

ЕЛЕНА КРЮКОВА

ЗЕРКАЛО

Елена Крюкова

Зеркало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22759614

ISBN 9785448368066

Аннотация

Детство, любовь, путешествие – архетипы человеческой жизни. «Коммуналка» – саунд-драма в стихах, взгляд в прошлое, в судьбы обитателей старой коммунальной квартиры. «Овидиева тетрадь» погружает нас в мир древнего Эроса, сопоставимый с картинами «Ars amores» великого римлянина Овидия. А «Меч Гэсэра» – траектория необыкновенной жизни простой сибирской девчонки Маринки, отражения ее странствий по огромной Земле. И зеркало сердца поэта смело отражает быт и бытие.

Содержание

Зеркало	6
Песни и плачи любви коммунальной	8
Давняя правда современной саунд-драмы	10
Об «Овидиевой тетради» Елены Крюковой	20
Странствие как генотип культуры	22
Коммуналка	29
Часть первая – Обитатели	29
«...Я выплыла в людское море...»	31
Киселиха ставит свечу перед иконой	33
Пожар	37
Кладовка	41
Пьета. Плач над избитым ребенком	45
Одноногий старик играет на гармошке и поет	49
«Я люблю тебя, я люблю тебя, Степка...»	54
Анфиса сбивает сметану в масло для Петьки	57
Одинокая песня Степки – Сане	61
Картежники	68
Брошка	73
Точильщик	76
Праздник Сретенья Господня	79
День рождения	84
Часть вторая – АЛЕКСАНДРА	87
Санька беременная	89

Троица коммунальная (Саня, Степка и Старуха-Смерть)	93
Санька у Киселихи перед иконой	97
Новый год Степана	99
Новый год Сани	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Зеркало

Елена Крюкова

© Елена Крюкова, 2017

© Владимир Фуфачев, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-6806-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зеркало

От картин коммунального послевоенного детства – через погружение в древность земли и любви – к объемной фреске или, скорее, многофигурному кинофильму в стихах и в прозе, где изображена жизнь сибирячки-сезонницы, ставшей символом великого странствия по свету, – вот диапазон новой книги стихов Елены Крюковой «Зеркало».

Эта классическая траектория: детство, страсть, путешествие – есть необходимое условие всякой человеческой жизни. «Коммуналка» – своеобразная саунд-драма, где коммунальные Обитатели, как бы ни ссорились, все равно понимают и любят друг друга; а история портнихи Саньки и ресторанного пианиста Степки заставляет вспомнить лучшие страницы В. Шукшина и Ю. Казакова.

В «Овидиевой тетради», апологии любви, знаменитая Овидиева рукопись «Ars amores», с ее утонченным эротизмом и живым жаром непобедимой природы, став источником вдохновения для автора, пространственно расширяется до границ современного восприятия культуры; так причудливо сплетаются музыка античности и нынешний день.

И «Меч Гэсэра», занесенный и сверкающий над стариной и над будущим, на деле – траектория большого пути простой сибирской девчонки Маринки, яркая лыжня, бесстрашно проложенная ею по суровому зимнему миру. И зеркало

сердца поэта столь же смело отражает быт и бытие.

Песни и плачи любви коммунальной

(о книге Елены Крюковой «Коммуналка»)

Как-то раз я обратился к Евгению Евтушенко с просьбой предоставить стихи для альманаха, а заодно порекомендовать нам других авторов (мы предполагали – из русских эмигрантов), произведения которых, может быть, у него есть. Евгений Александрович немедленно откликнулся и к своим стихам присовокупил две тетрадки русских поэтесс. Стихи одной из них – Елены Крюковой (оказалось, она не из какого-либо зарубежья, а из Нижнего Новгорода) меня просто поразили оригинальностью и какой-то предметностью, телесностью.

«Коммуналка» – это рассказ о страшном быте жильцов многонаселённой квартиры. Эта «Коммуналка» (именно так, с большой буквы) – целая отдельная страна, где проживает бедный люд, не попавший на праздник жизни: «шальная Киселиха», Анфиса, зло избивающая своего малолетнего сына Петьку, осколок старого мира «граф» Борис Иванович, скучающий по своей Греции бывший офицер Сократ, Паня-истопница, пьяница Валерка и, наконец, «портниха копейшная» Санька-итальянка, шьющая для своих клиентов платья из люрекса. Её навещает любимый ею лабух Стёпка

из ресторана, от которого она вскоре забеременеет, а Стёпка откажется от неё, закрутив роман с продавщицей Райкой.

Каждому стихотворению предшествует прозаическая коммунальная сценка. Быт этих озлобленных людей ужасен и угнетающ. Но сквозь пары приготавливаемой на вонючем керогазе пищи пробиваются глубокие человеческие чувства. Каждого из жильцов окружает одухотворяющая человеческая аура понимания, сочувствия в бедственный час и прежде всего в любви. Стоны, песни и плачи (это жанр!) жильцов «Коммуналки» – это трагический эпос Быта, сквозь который произрастает Любовь. Читатель может составить впечатление о глубокой человеческой страсти обиженных и униженных людей.

На фоне нашей сегодняшней бесполой лирической поэзии и бессодержательных версификаторских упражнений разного рода постмодернистов-пересмешников стихи Елены Крюковой выделяются поистине глубокими переживаниями и акмеистической выразительностью. К тому же у неё своя тема, и значит, она цельная натура. Я не верю в истинность восклицания «Рукописи не горят!». Всё же это только красивая фраза. Не пора ли стихам Крюковой предстать в достойном объёме перед читателями?

Павел Уляшов

**Давняя правда
современной саунд-драмы
(о книге Елены Крюковой
«Коммуналка»)**

*...Я вылетела – в дикий космос —
Из ледяного умыванья
Под ручкомойником раскосым,
Из скипидаром – растиранья
При зимней огненной простуде,
Из общих коридоров жалких,
Смеясь и плача,
вышла в люди
Из той людской, где все – вповалку.*

Коммунальная квартира – разноцветное мерцание прошлого, заметная составляющая быта России середины двадцатого века. Невозможно назвать коммунальное прошлое унылым или тяжким, потому что каждый человек наполняет свою жизнь переживаниями почти всегда сам, самостоятельно, лет с пяти. И что же он для себя выбирает? Искренность и преданность соседям или любопытное подсматривание? Участие, заботу – или вежливые, слепые от равнодушия улыбки?

Человек находит возможность помогать другим или заявляет: моя хата с краю, я ничего не знаю?

Герои поэмы «Коммуналка» Елены Крюковой явно выписаны автором по памяти.

Девочка, выпрашивающая у старого графа, живущего в кладовке, правду; мальчик, избитый матерью; прошедший войну офицер, старуха-лагерница, влюбленная модистка, усталая истопница, рабочий, пьющий горькую после смены – типажи слишком узнаваемы и слишком от нас далеки: это уже история страны.

Их жадное желание со-существовать подчеркивает безрадостность других, не личных событий жизни и, одновременно, это желание **со-существовать** – проявление доброты, часто – мудрости в изнуренных бедой и голодом телах.

*Старый граф! Борис Иванович!
Обменяй кольцо на пищу,
Расскажи мне сказку на ночь
О великом царстве нищих!
Почитай из толстой книжки,
Что из мёртвых все воскреснут —
До хрипенья, до одышки,
Чтобы сердцу стало тесно!
В школе так нам не читают.*

*Над богами там хохочут.
Нас цитатами пытаются.
Нас командами щекочут.
Почитай, Борис Иванович,
Из пятнистой – в воске! – книжки...
Мы уйдём с тобою... за ночь...
Я – девчонка... ты – мальчишка...
Рыбу с лодки удишь ловко...
Речь – французская... красивый...*

Чем беднее быт, тем теплее отношения? Чем более суровой оказывается жизнь, тем больше сочувствия приходит от одного человека другому, так?

В годы войны, в годы послевоенной разрухи многих жителей нашей страны действительно объединяли трудности – надо было строить мирную жизнь. Устраивать новые потрясения не то, что стране – даже такому небольшому пространству, как коммунальная квартира, никому бы и в голову не пришло. Не избалованные жизнью люди радовались улыбке, теплу собственной комнаты, хрустящему краю только что испеченного блина, вкусу осеннего яблока. А разве не из таких мелочей состоит настоящее человеческое счастье? Впрочем, для кого как. Героям поэмы «Коммуналка» именно такие минуты и представляются минутами откровения, принесенного, как на ладошке, несмелым ребенком.

– Дяденька, дяденька! Иди сюда, на кухню... Здесь у мамы блины холодные остались... Щас найду... Вот они – под миской... На...

– Дочка!.. Спасибо тебе, Бог тебя наградит...

– Дяденька, да ты не плачь, а ешь... У тебя слёзы в бороде.

– Милашечка... И-эх!.. это всё ништяк, а вот добрых душ на свете мало – ох, штой-то не видать...

– Дяденька, а почему у тебя гармошка – красная?

– Потому что песня моя – прекрасная.

Обжигая воображение читателей подробностями, Елена Крюкова создает образ ещё одного персонажа поэмы, одного **солдата** с гармошкой. Добрый он в поэме, шумный и отчаянно веселый. А чего грустить? Не развеселишь соседей сам, так и смеяться не с кем будет!

Мужики, победившие в кровавой войне, усвоили привычку не унывать на всю оставшуюся жизнь. Поэт подслушал это? Угадал? Сконструировал?

Он с этим жил с детства, этим обучен жить и **поднимать-**

ся над трудностями.

Вот вечерняя песня матери, взбивающей масло для сына.

Её желание накормить как можно лучше ребенка естественно, словно дыхание.

Однако это не просто делание из сметаны драгоценного сливочного масла (потому, что масла в магазинах нет). Это действие внезапно вырастает из рамок быта и поднимается до трагедийного охвата:

*И, бешена, патлата, сметану в масло бью —
До завтрашней зарплаты у рабства на краю,
До детских ртов галчиных,
Где зубы – как огни! —
До матюга мужчины, до ругани родни,
До магазинов пьяных, где жиром пол пропах —
Ну, вот она, сметана! Густеет на глазах...*

*А я её сбиваю всю ночку, до утра!
Живу и выживаю – на выдумку хитра!
И, если лютый голод затмит и слух, и речь —
Я в наш родимый холод найду, чего испечь.*

Вот любовь портнихи Саньки и ресторанного лабуха Степки – история, звучащая горьким и ярким лейтмотивом в этой **саунд-драме**, обнимающая своим неистовым накалом низы коммунального «дна» и высоты нежнейшего,

полного слез, силы и света вечного человеческого чувства. Любовь, раскинувшая руки от архаики до сиюминутности, от кухонного примуса до песни и молитвы. Любовь, которая прекрасно помнит недавний свист пуль и грохот разорвавшихся снарядов.

– Я люблю тебя, я люблю тебя, Стёпка. Я сегодня ночью шла до трёх. Ты обхватишь руками – и страшно, и знобко, зубы друг об дружку стучат, как горох... Я, гляди – лиловой крашусь помадой! Амальгаму зеркал проглядела до дна... Я безумная. Нету с собою сладу. Я с тобою – как пьяная без вина. Я люблю тебя, я люблю тебя, Стёпка! Ох, зачем я в кабак твой поестъ зашла?! А ты брямкал, горбясь, по клавишам топким, из-под пальцев твоих – моя жизнь текла... Моя жизнь: изба в Тарасихе вьюжной, ребятня мокроноса, мамкин гроб да отец-матерщинник, кривой, недужный, – поцелуй его помнит расстанный лоб... Моя жизнь: чужие оружие дети, подтираю за ними, им парю, варю: рвуций деньги из рук шестикрылый ветер и капрон на ногах – назло январю! Моя жизнь: бормотанье швейной машинки, проймы-вытачки – по газетам – резцом... бабий век, поделённый на две половинки – с гладкокожим лицом и с изрытым лицом...

А тут сел ты за столик, заказал заливное, взял исколотую крепкую руку мою – и я холод небес ощутила спиною у великой, чёрной любви на краю! Я люблю тебя! Ты – хрупкий, с виду – хлипкий, а на деле – весь из железа, из тугих уз-

лов: ты рояль свой кабацкий разбиваешь с улыбкой песнями нашей жизни – песнями без слов! Песни трамваев, буги-вуги магазинов, твисты пельменных, комиссионков, пивных – я их танцую и пою – во бензинах – сиренью щёк и гвоздикою губ шальных... Да, я молодая ещё! Я люблю тебя, Стёпка! Соседки кричат: «Шалава!.. Красный фонарь повесь!..»

А мне ни с кем ещё не было так нежно, так кротко, так робко. И никогда больше ни с кем не будет так, как с тобой – здесь.

Горячей лавой неожиданно возвышенной арии, страстного монолога звучат слова любви Степана, обычного парня, пианиста в ресторане, что наведывается в коммуналку к своей «Саньке-итальянке». Почему итальянке? Есть туманные, намеком, авторские ассоциации: из тьмы времен возникают Ромео и Джульетта, но Санька и Степка – скорее любовники Сантуцца и Туридду из «Сельской чести» Масканьи.

Свет, лишь на миг вспыхнувший во тьме.

Радость, в ту же секунду ставшая воспоминанием.

Настоящее счастье почти всегда воспринимается **уходящим**, даже если оно недавно пришло.

Я не помню, что мы ели

Что мы пили...

...Помню: мы одни – в постели – вместе – были.

И под грубыми руками пианиста

Ты горела вся, как пламя, – мощно, чисто!

Целовал холмы, ложбины, лоб горячий...
Санька, ты ж была с мужчиной —
Что ж ты плачешь?..
Но, пылая головнёю, вся сияя,
Ты сказала: — Я с тобою — умираю...
Кипятком по сердцу дико хлестануло.
Ах, портниха ты, портниха!.. Всё... Уснула...
И тогда в ночи безбрежной, тьме кромешной
Целовал живот твой нежный и безгрешный.
Целовал большие руки в тайных венах,
Что обнимут все разлуки, все измены
Целовал ступни корявые, в мозолях,
Что прошли путями ржавой бабьей боли.
И, горящими губами скул касаясь,
Будто во сиротском храме причащаясь, —
Я заплакал над тобою, Саня, Саня,
От мужской забытой боли воскресая,
Оттого, что я — лишь лабух ресторанный,
Что судьба не любит слабых, окаянных!

И во сне ты ворохнулась... Блеском — зубы...
И царевной улыбнулась пухлогубой...
И клещами рук я сжал твои запястья —
Будь я проклят, я держал, держал я счастье.

Герои «Коммуналки» нянчат детей и бегут на мороз, спасаясь от пьяного скандала; дежурят в котельной и переругиваются на кухне, над керогазами и примусами; старухи насмешничают над красавицей Санькой, мать избивает сына,

срывая на нем злобу нищеты и отчаяние одиночества. Перед нами – многоголосая, многоликая фреска, и люди на этой фреске прописаны то бегло, то тщательно, но всегда – точно. Этот текст – точный портрет времени, что не вернется никогда. И тем оно дороже, тем бесценнее его свидетельства, его подробности и детали.

* * *

Считается, что вещественные приметы любой эпохи постепенно уходят в небытие, а наиболее чистым и достоверным свидетельством времени остается поэзия. Ясные, суровые строки Елены Крюковой наверняка останутся потомкам. И прошлое наших послевоенных голодных лет будут долго изучать ученые параллельно с детьми седьмого или восьмого класса российской школы будущего. Это **почти документ**. Точный и безжалостный. Нежный и огненный. Неукротенная стихия стиха течет пламенным потоком в гранитном русле правды.

*Флаги винны, флаги красны —
Сколько крови пролито!..
Неужель снега напрасно кровушкою политы?..*

*Помню: стылый окоп. Тишь после взрыва.
И под каскою – лоб мыслит потный: живы...*

*Да, живой я, живой! И пою, и плачу,
И гармошки крик лихой за пазуху прячу!*

*И протезом об пол – стук!
Деньги – в шапку?.. – в каску!..
Друг, налей, выпей, друг,
Да за эту пляску...*

Неистребимая радость жизни в грубой красоте солдатской песни. Торжество!

Торжество российское, в лугах и горах рождённое, на медухе настоящее,

в грозу – на все времена! – воссиявшее.

«Коммуналка» Крюковой – одновременно и летопись, и драма, и лирика, и опера, и народная песня, и многослойный, полифоничный хор. Сплетение приемов нескольких искусств здесь налицо. Этот текст явно просит музыки; но даже если не найдется композитора, который положит на музыку эти напряженные, яркие и рельефные сцены, он все равно останется звучащим – в сердцах читателей, покуда бьются сердца.

Ольга Таур

Об «Овидиевой тетради» Елены Крюковой

Недавно писал о романе Кристофера Рансмайра «Последний мир», посвященный дням изгнания Овидия. И вот прочел «Овидиеву тетрадь» Елены Крюковой. Это буквально эхо романа. А точнее эхо Овидия, эхо сурового и красочного мира Скифии.

В «Гибели Рима» вдруг вспомнился «Андрей Рублев» Тарковского, его видение Страстей на снегу. И у Крюковой Рим какой-то очень русский. Некоторые стихи неожиданно напомнили мифологию Блейка, его картины, его странных персонажей: Лос, Уризен. У Елены Крюковой Овидий показан в ореоле бессмертного, если вспомнить определение Степного волка Гессе. Он предстает в живописном видении.

Стихи Елены отличаются необычной живописностью, так что ассоциация с Блейком-художником вполне объяснима. И написаны стихи пылающими красками: *«Телега скрипящая. И бык кроваво-рыжий», «Дым-и-гарь. И кровь династий, / Факелов горячий плеск», «И горел плащ кровавый царя», «На чернь души Иезавель / Кладет безумную лазурь»...*

Крюкова творит свой миф – об Овидии. Названия некоторых стихотворений тоже вызывают в памяти Блейка: «Овидий отделяет твердь от воды», «Создание луны и солнца», «Видение ада».

На бессмертного нельзя смотреть открыто:

Овидий, я тебя так слепо вижу...

Но это в первые мгновения, когда, вызванная воображением, перед нами является смутная фигура. Чувствуется, что и сама Елена смущена. Это передается и читателю.

В дальнейшем мы увидим великого поэта как будто яснее: в любви, в старческой немощи; на наших глазах будет разворачиваться нисхождение поэта на берег изгнания.

И все-таки загадка останется.

Загадочен даже ближний, тот, с кем ежечасно делишься самым сокровенным на протяжении долгих лет. А что уж говорить о поэте, который якобы жил – как утверждают источники – в таком-то году до нашей и в таком-то году нашей эры.

«Любовью я дотла спален», – с горечью бросает поэт. Но это пламя стало стихами. Оно горело на железном скифском берегу, там, где «Снег и зеленое море».

Олег Ермаков

Странствие как генотип культуры (о книге Елены Крюковой «Меч Гэсэра»)

Композиция «Меч Гэсэра» Елены Крюковой была впервые опубликована в журнале «День и Ночь» (№4 2011), и вот сейчас этот текст выходит в авторской книге.

Текст одновременно и сложный, и простой. Сложный потому, что образная и стилистическая палитра Крюковой весьма богата – автор не жалеет красок на изображение подробностей и иной раз буквально «топит» читателя в богатстве ассоциаций. Простой – потому, что сюжетно эта вещь, написанная стихом и прозой, весьма проста и прозрачна – это жизнь сибирской разнорабочей Маринки («Маринки-сардинки», как ее дразнят и прозывают ее минутные знакомцы), точнее, житие, подобно древнему апокрифическому житию или «хождению» (и в книге Маринка тоже постоянно находится в дороге, в пути) – так символ-знак времени напрямую отождествлен здесь со странствием.

Дорога равна времени, и время равно душе – так замыкается круг макро- и микрокосма. Дома у сезонницы Маринки нет и не было – она выросла в детдоме, работала где придется; сибирский город («Град-Пряник», в котором узнаются приметы Иркутска) на время ее детства стал ее приютом, а потом она пошла куда глаза глядят, принимая свою суровую судьбу как она есть. Маринка одновременно и наивна,

и мудра. Ее наивность граничит с юродством, а мудрость – со стихиями, с силами самой природы; она показана как донельзя природный человек, как зверь и птица, она так же жадно любит жизнь и так же не боится смерти (ибо не знает, что она такое).

Само повествование напоминает огромную, цветную храмовую мозаику, подобную византийским мозаикам; на этой многофигурной мозаике Маринка покидает Сибирь, устремляется на Запад, доходит до Столицы – и перед нами в полный рост встает Москва Военная, та, которую мы видели в годы трагических переворотов, а может быть, еще увидим – трагедия всегда подстерегает за углом:

*...Это все перевернулось,
В Красный Узел затянулось:
Танки и броневики,
Мертвое кольцо руки.
Флаги голые струятся.
Люди в ватниках садятся
У кострища песни петь,
В сажу Космоса глядеть.*

В Москве Маринка работает, по обыкновению, где попало (она – то русалка в бассейне-аквариуме рыбного магазина, то судомойка, то дворничиха), и ее единственная отрада – письма в Сибирь нищему художнику, «малеванцу», как она его зовет. Но судьба слагает неожиданный узор, и вот уже

Маринку подхватывает под локоть заморский человек, и, как явствует из текста, богатый – и увозит ее за океан. Здесь мы сталкиваемся с древним, почти архетипическим и даже апокрифическим мотивом ЧУДА – страдания должны быть вознаграждены, и вот они вознаграждаются.

Казалось бы, счастье найдено? Не тут-то было. У Крюковой в этой почти фольклорной симфонии пересиливает трагедийная нота, и не только она одна. Маринка на чужбине – один из самых сильных психологических портретов композиции:

*Мне холодно. Свернусь червем
В бочонке – ледяные доски.
В слепящей мгле – ползу кротом.
Ношу чужой тоски обноски.
Сабвей да маркет – вот мой дом.
Чужой язык – на слэнге крою.
Плыву в неонах – кораблем.
В ночи Манхэттена – Луную.
Я, грязная!.. – сезонь и шваль,
Я, лупоглазая совища,
Измерившая близь и даль
Тесово-голым телом нищим,
Глодавшая кусок в дыму
На станции, в мазутной фреске, —
Я – здесь?!..
Уж лучше бы в тюрьму.
В ту камеру, где пуля – резко —*

Из круглой черной дырки – в грудь.

Ору я песню! «Крэйзи», – цедят.

Я выживу. Я как-нибудь.

А мне во шрамы – роскошь целят...

И уже понятно, что произойдет. Траектория великого пути замкнется: Маринка вернется на родину.

И эта родина, как не раз бывало со всеми возвращавшимися, убьет ее.

Тут беспощадный реализм этой книги, прежде чем вернуться на круги своя – к изначальной трагедии и привычной суровости, – на миг обращается в легенду, если не в сказку. Маринка пешком (как классическая паломница) идет к Байкалу, чтобы омыть лицо и руки в его святой для нее воде, разводит костер на его берегу, вспоминая былое. На байкальской скале она видит древний петроглиф, изображающий меч, и понимает: здесь меч хранится, и она должна его добыть.

Зачем? Такой вопрос, читая легенду, не задают. Затем, чтобы стать сильнее; чтобы стереть одним сказочным жестом мглу тысячелетий; чтобы этим сверкающим мечом, как то и требуется в легендах, сражаться со злом (с которым Маринка, надо заметить, до сих пор справлялась без меча). Ей удастся совершить подвиг добычи, но именно здесь, когда меч уже у нее в руках, и может у нее, сильной-могучей, начаться новая, волшебная-счастливая жизнь, ее и настигает гибель – в лице трех бандитов-попутчиков, пассажиров поез-

да, где она едет (снова едет – неизвестно куда). Маринка сражается с бандитами в тамбуре и уже побеждает, как вдруг некая черная фигура (читай – сам дьявол) выбивает оружие у нее из рук, и меч со звоном летит вон из вагона.

Маринка зарезана тремя ножами. Она погибла. И появление ее «малеванца», что на морозе сидит за мольбертом, стоящим на снегу близ железной дороги, и застывающими на лютном холоде красками пишет все, что видит вокруг, вполне закономерно. Ее далекий случайный возлюбленный, не принимавший никакого участия в ее огромной, обширной жизни, оказывается ее лучшим летописцем. Летописцем без слов. В этом случае автор, изображая события и положения отнюдь не красками, а словами, уступает место стихов прозе, и ее плавное, почти речное течение успокаивает нас: все, что было, всего лишь сон о жизни, а жизнь – вот она: художник за мольбертом посреди снегов, и он просто рисует все, что видит.

Один из финальных поэтических фрагментов «Меча Гэсэра» имитирует, а потом и вольно интерпретирует старинную народную песню «Исходила младешенька все луга и болота, а и все сенные покосы» (эта песня, кстати, была использована Модестом Мусоргским в опере «Хованщина»). Этим финальным фольклорным штрихом ярко подчеркивается принадлежность «Маринки-сардинки» к миру народа, и народность в этом контексте не лаково-принаряженная, а глубинная, исконная:

*... Улетала младешенька
За моря-океаны,
За моря-океаны,
За снега и бураны...
Там поела младешенька
С золоченых подносов —
Снова кровушку-слезы,
Ой ли, кровушку-слезы...
Излечила младешенька
От хворобы да горя,
От великого горя —
Непомерное море...
Хлеб да рыбу – голодным,
Мех да пламя – холодным, —
Все давала младешенька,
Отдала свободным...*

Каково же резюме? Что же в результате перед нами: попытка современного жития, попытка легенды, попытка совмещения лирики и эпоса? Видимо, и то, и другое, и третье. В оригинальности этой вещи у меня нет сомнений. «Меч Гэсэра» Крюковой ни на что не похож, и в этом его слабость и его сила. Слабость – потому, что будут искать в литературе аналоги и материал для сравнений, и не найдут; сила – в том, что этот текст, сочетающий в себе живописность, уже не раз отмеченную рядом критиков, и музыкальность – чисто изобразительные моменты, – на деле обращен к поиску

онтологических, изначальных вещей, к поиску фундамента и архетипа, который и есть поиск истины.

Нина Липатова

Коммуналка

Часть первая – Обитатели

* * *

– ...А я ей и говорю: ну, дура ты, дура, зачем такую шубу продала, это же царские хоромы, а не шуба... Ведь китайская земляная выдра!.. Господь с тобой, говорю, дура!.. А она мне зубасто так, да с присвистом злым, с шипеньем, аж у нее, матушки, скулы от злобы заострились топориками: а что ж ты мне да Петьке малому прикажешь кусать целый месяц до зарплаты, а?.. Что, говорит, я масло ему из сметаны буду сбивать, что ли?.. И вдруг – ох я и испугалась! – как завыла, прости Господи, как леший на болоте!.. И об спинку кровати головой – бряк, бряк...

– Ты бы ей капелек дала каких сердешных, Зина...

– ...а кровать-то старая – того гляди развалится на палки да скалки. И как она взовьется да заорет пуще прежнего: жизнь клятая!.. Никуда не уйти, никого не привести!.. Куда – на эту кровать ночлежную?! Да в ночлежках у америкашек

побогаче обстановочка будет... А от вас что, ширмой в цветочках загородиться?!.. Орет – ну иерихонская труба, прости Господи!.. Ты слыхала?.. Я уж ей так и сяк, валидол сую – она мою руку чуть не сломала, оттолкнула, вопит: жри сама свои таблетки!..

– Зинка, а может... это... ей полечиться лечь?..

– Панечка!.. Панечка!.. Разве нашу жизнь вылечишь!..

«...Я выплыла в людское море...»

...Я выплыла в людское море
Из этой гавани табачной,
Где керосином пахнет горе
И в праздники – целуют смачно.

Я вышла – кочегар метели —
Из этой человеческой топки,
Из этой раскладной постели,
Где двое спят валетом знобким.

Я вылетела —
В дикий Космос —
Из ледяного умыванья
Под рукомойником раскосым,
Из скипидаром – растиранья

При зимней огненной простуде,
Из общих коридоров жалких,
Смеясь и плача,
Вышла в люди
Из той людской, где все – вповалку.

* * *

– Игнатъевна!.. Ты че там скрючилась в три погибели?..

У тебя керогаз, што ль, не зажигатся?.. Дай помогу...

– Ну, помоги... Че двигашь меня локтем-от: локоть твой больно острый. Костыль прямо...

– Да потому што отойди. Чай, свет заслоняшь.

– Чай, весь не заслону.

– Ну вот и все. Зажгла я тебе твою бандуру. Че варить-то собралась?

– Не суй нос... Чай, все то же: макароны.

– Растолстеешь, Киселева!..

– Може, в гробу и поправлюся... Мясца хочу... Зубов нету – не угрызу уже... А молодые зубки были – ох, жилы перегрызала!..

– Ну, ну, Киселева. Че реветь-то. Вари свое спагетти.

– Да уж сварю как-нито... А керогаз-то как пылат! Как сдурел... Огонь, огонь-то какой... Огонь-то... какой...

Киселиха ставит свечу перед иконой

Огонь! Из лодкою сложенных рук —
Огонь к закопченной иконе
Так рвется!.. – проросший и бешеный лук
Из тьмы черноземных ладоней...

Забыла совсем я, сколь, старой, мне лет
Пробило вчерась, намедни...
Сварила, варила свой поздний обед,
Сходила к ранней обедне.

Вчерась раздеваюсь – да што ж это, ба!.. —
Гляжу – в гимнастерке... в лампадах... —
Как муж мой покойник!.. Во фрунт – голытьба
Вокруг офицерского баса...

Замучили Федю, два дула – к виску,
А я, молодая жененка,
Я всех революций срамную тоску
Кляла одичало и звонко!

Орала по улицам и площадям,
Какие вы есть, комиссары!..
Работа – рабочим, овес – лошадям,
А «бывшим» – сосновые нары...

Я двадцать пять лет оттрубила как штык!
При шмонах – смеялася лихо...
Твой рот к непотребной молитве привык,
Подстилка, раба, Киселиха...

Ну, выпустили – как линия – в водоем!
Лицо – что печеная свекла...
И в разуме штой-то подвиглось моем —
Как будто под ливнем промокла

И все не согреюсь, с тех пор и дрожу,
И греюсь – вот свечечку ставлю
Казанской иконке! В ладонях держу
Горячую желтую каплю...

Огонь-то, огонь!.. Ох, безумная я,
Зачем все так помню упорно —
В снегу талом стирку плохого белья
И струсьев подсохшие зерна...

Зачем, Матерь Божия, выжить пришлось?..
Слаба водовозная кляча.
А с пенсии – гребень для сивых волос,
«Подушечек» сладких впридачу...

«Подушечки» я растолку молотком —
Повыбиты зубы кобыльи!..
Огонь ты, огонь, полижи языком
Ты чернь моих щек замогильных...

Все верю, все чую – с ума я сойду!
Казанская, матушка, сделай
Ты так, чтобы в этом, о, в этом году
Душонка покинула тело!..

А сколь мне там стукнуло?.. Кто его знает!
Быть может, и все девяносто...
А завтра в экране покажут парад
И эти... кремлевские – звезды...

* * *

– Тамарка!.. Че ты – ночь-полночь – стучишь?.. Че набатывашь, как в набат?.. Младенец твой орет как резаный по ночам, да ты ишшо моду взяла не спать?.. Какая тебя муха укусила в голу задницу?.. Самая сладость сна, а ты...

– Тетя Паня, горелым пахнет. Проводка горит. Из вентиляционных ходов – дым!..

– Окстися. Какой дым. Под носом у тя дым...

– Галка!.. Че путаешься под ногами, дура девчонка, иди спать ложись, не мети рубахой половицы...

– Мамка, я ноль-один вызвала.

– Ты че!.. Правда, што ль!..

– Сказали – сейчас приедут.

– Быстро в постель!..

- А че торопиться-то. Какой он – огонь? Поглядеть хочу. Мамка, а Петька спит?..
- Спит, умница моя. Пожарку вызвала! Умница моя... Не бойся... Не бойся с мамкой ничего...
- Пахнет горелым... Мам, вон огонь! Вон он! Хвосты лисьи!..
- Да, хвосты... Только шубу не сошьешь... Паня, буди всех! Всех!
- Милые! Милые! Вставайте! Пожар! Горим! Горим!
- Что?.. Кто придумал?.. А запах-то... А полыхает вон!..
- Это он, сволочь. Граф Борис Иваныч. Утюг оставил в кладовке. А сам заснул.
- Эй, Борис Иваныч!.. Спит... Свои брильянты под подушкой охраняет, а нам – гори синим пламенем?!..
- Вставай, контра проклятая!..
- Пожарнички, родненькие, вы уж потушите за ради Христа... Дети малые у нас...
- Уж потушили, бабы. Не нойте. Счастье ваше. Дом-то... деревянный коробок. Еще минут пятнадцать – и все рухнуло бы... к едрене-фене...
- Пожарники! Братаны! Водочки тяпнем?.. За жизнь!..
- Мамка, мамка, да почему горелым пахнет, аж плакать хочется, а голуби на крыше – не сгорели?..

Пожар

Лютая, зверья сила огня.
Судорга ног – к подбородку.
Страшно, огонь. Вдруг возьмешь ты меня
В гулкую рыжую глотку?

Пасть твоя светлая. Зубы остры.
Дом наш качается, пьяный.
Так вот горят – первобытно – костры
В наших песцовых буранах.

Это Борис наш Иваныч, наш граф,
Житель крысиной кладовки,
Тощая щепка, – спал, ноги задрал,
После крутой голодовки

Так запродав с аметистом браслет,
Что на паршивую сотню
Снедь закупил и поел на сто лет
Впрок – хоть сейчас в преисподню!.. —

Гладил рубашки... Дрожание рук,
Сытости радость тупая...
Как он оставил включенным утюг —
Плача, сопя, засыпая...

И загорелось в щелях и пазах
Красной сухой круговертью.
И загорелся в ребячьих глазах
Дикий азарт передсмертья.

Взрослые – те лишь вопили одно:
«Дом бы сгорел этот нищий!..
Иль в новоселье попьем мы вино,
Иль повезут на кладбище!..»

И, спохватясь, прижав руки ко рту:
«Родненькие!.. Погасите!..
Все переждем – всю голь-нищету,
Только нам дом наш спасите!..»

Шорох – из шлангов – вонючей воды!
Гари древесная пряность!
Перед тигриною пастью беды —
Я, не мигая, уставясь...

Рядом со мною – Петюшка Звонцов
В черных трусах доколенных —
Ласковых не докричишься отцов —
Сгибших, застреленных, пленных...

Рядом со мною картежник Сократ
В бязевом женском халате —
Там, в его комнате, знаю, лежат
Трое – все в дым! – на кровати...

Рядом со мной Киселиха стоит,
Жесткая, будто двустволка!
Сходен с болотной кикиморой вид,
Светят глаза, как у волка...

А за лопаткой угластой ее,
Весь в первобытных сполохах,
Пьяный Валера – дыряво белье,
Грудь – вся в наколках: эпоха...

Саня, не бойся! Тамарка, держись!
Этот пожар – что он сможет?
Он не сожжет поднебесную жизнь —
Кости земные изложет.

В небе январском – горелый салют
Виден сквозь детские веки.
«Жить вам осталось – пятнадцать минут!»
Жить нам осталось – навеки.

Что суждено? Вдоль по свету – с сумой?..
В пахоту – слезные зерна?..

...Русый пожарничек,
Ангел ты мой.
Спас ты мой Нерукотворный.

* * *

- Дочка. Не смей ходить туда к нему в кладовку. Слышь, не смей!.. Он тебя там гадкому научит. Не ходи! Весь сказ!
- Буду ходить.
- Вот Бог послал козу! Упрется рогами!.. Говорят тебе – не ходи! Медом он тебя там, што ль, кормит?..
- Нет. Читает.
- Во-он што!.. Артист какой!.. Мало тебе учительша в школе читает!.. Я книжки покупаю – дорогие...
- Это сказки. А Борис Иваныч мне правду читает.
- Ишь ты!.. Правду! Ну и какая она у него, правда?..
- Настоящая.

Кладовка

...Старый граф Борис Иванович,
Гриб ты, высохший на нитке
Длинной жизни, – дай мне на ночь
Поглядеть твои открытки.
Буквой «ЯТЬ» и буквой «ФИТА»
Запряженные кареты —
У Царицы грудь открыта,
Солнцем веера согреты...
Царский выезд на охоту...
Царских дочек одеянья —
Перед тем тифозным годом,
Где – стрельба и подаянье...
Мать твоя в Стамбул сбежала —
Гроздьями свисали люди
С корабля Всея Державы,
Чьи набухли кровью груди...

Беспризорник, вензель в ложке
Краденый, штрафная рота, —
Что, старик, глядишь сторожно
В ночь, как бы зовешь кого-то?!
Царских дочек расстреляли.
И Царицу закололи.
Ты в кладовке, в одеяле,
Держишь слезы барской боли —

Аметисты и гранаты,
Виноградины-кулоны —
Капли крови на распятых
Ротах, взводах, батальонах...

Старый граф! Борис Иваныч!
Обменяй кольцо на пищу,
Расскажи мне сказку на ночь
О великом царстве нищих!
Почитай из толстой книжки,
Что из мертвых все воскреснут —
До хрипенья, до одышки,
Чтобы сердцу стало тесно!
В школе так нам не читают.
Над богами там хохочут.
Нас цитатами пытаются.
Нас командами щекочут.

Почитай, Борис Иваныч,
Из пятнистой – в воске! – книжки...
Мы уйдем с тобою... за ночь...
Я – девчонка... ты – мальчишка...
Рыбу с лодки удишь ловко...
Речь – французская... красивый...

А в открытую кладовку
Тянет с кухни керосином.

И меня ты укрываешь

Грубым, в космах, одеялом,
И молитву мне читаешь,
Чтоб из мертвых – я – восстала.

* * *

– А-а-а!.. Мамочка, не бей!.. Мамочка, не надо!.. Я больше никогда!.. не буду... А-а-а-а!..

– Ты, злыдень поганый. Заел мою жизнь. Так тебе. Так тебе. Так тебе. Так. Дрянь. Дрянь. Дрянь.

– Мамочка!.. Не надо до крови!.. Не надо по голове... А-а-а!.. Прости, прости, прости, а-а!..

– У, поганец. Всего искровяню. Всего искалечу. Места живого не оставлю! Весь в отца. Весь. Получай. Получай. Получай.

– Мамочка!..

– Гаденыш.

– Анфиса, открой!.. Слышь, Анфиса, открой, дверь ногой высажу!.. Не бей мальчика. Это ж подсудное дело. Засудят тебя, клячу.

– Мой!.. Что хочу, то и делаю!..

– Да он глянь как пищит – душа в теле кувыркается!.. Мочи ж нету слушать!.. Нас хоть пощади!.. Че издеваеся-то над беззащитным, ведь он малек!..

– Пусть знает тяжелую материнскую руку.

– А ну – до смерти забьешь?..

– Горшок с возу упадет – кобыле легче будет.

Пьета. Плач над избитым ребенком

Лежит на медном сундуке,
И в плечи голову вобрал...
Кровь да синяк на синяке.
Ты много раз так умирал.

Петюшка, не реви ты... Слышь —
Твоя в аптеку мать ушла...
За сундуком скребется мышь,
И пылью светят зеркала.

Бьет человека человек.
Так было – встарь. Так будет – впредь.
Из-под заплывших синих век,
Пацан, куда тебе смотреть?!

Хоть в детской комнате мужик —
Противней нету, – а не бьет...
Петюшка, ты же как старик:
В морщинах – лоб, в морщинах – рот...

Не плачь, дитя мое, не плачь.
Дай поцелую твой живот.
О Господи, как он горяч...
До свадьбы... это заживет...

И по щекам катят моим —
О Господи, то плачу я
Сама!.. – и керосин, и дым,
И синь отжатого белья,

И гильзы, что нашел в золе
На пустыре, и маргарин
Растопленный, и в серебре
Береза – светит сквозь бензин,

И лозунги, и кумачи
Над дырами подъездов тех,
Где наподобие парчи
Блатной сверкает визг и смех! —

И заводская наша гарь,
И магазин – стада овец,
И рубит рыночный наш царь
Мне к Ноябрью – на холодец,

Набитого трамвая звон,
И я одна, опять одна,
И день безлюбьем опален,
И ночь безлюбьем сожжена, —

А ты у матери – живой!
Пусть лупит! Что есть силы бьет!

Не плачь. Я – плачу над тобой,

Пацан,
Родимый мой народ.

* * *

– Дяденька, дяденька! Иди сюда, на кухню... Здесь у мамы блины холодные остались... Щас найду... Вот они – под миской... На...

– Дочка!.. Спасибо тебе, Бог тебя наградит...

– Дяденька, да ты не плачь, а ешь... У тебя слезы в бороде.

– Милашечка... И-эх!.. это все ништяк, а вот добрых душ на свете мало – ох, штой-то не видать...

– Дяденька, а почему у тебя гармошка – красная?

– Потому что песня моя – прекрасная.

– Спой! Спой, пока Киселиха не пришла! А то она если услышит – щас завоет. И будет петь «Когда мы сходили на борт в холодные мрачные трюмы...» Я ей рыбок подарила, мальков, живородящих, а она только все свечку перед иконой жгла, а рыбок не кормила – и уморила. Спой!

– И-эх, гармошечка жалобная, стерлядочка жареная!..

– Дяденька, а из чего твоя вторая нога сделана? Из дерева?..

– Дочка, дочка!.. Из дуба мореного... Это меня – под Кенигсбергом шарахнуло... Пахнет от меня крепко?.. Я нынче имянинник – беленькой купил...

- Пахнет. Как от дяди Валеры.
- Слухай песню! Неповторимую.

Одноногий старик играет на гармошке и поет

Время наше, время наше,
Стреляное времячко!
То – навалом щей да каши,
То – прикладом в темячко...

Рота-рота да пехота,
Всю войну я отпахал —
Отдохнуть теперь охота,
А вокруг кричат: нахал!

Инвалид, инвалид,
Головушка тверезая,
К дождю-снегу не болит
Нога твоя отрезанная?..

Так живу – в поездах
Да во крытых рынках.
Папироса в зубах
Да глаза-барвинки.

Государство ты страна,
Тюремная решетка:
То ли мир, то ли война —

Два с полтиной водка!

Я протезом гремлю
Да на всю Расею:
Поплясать я люблю —
От музыки косею!

Эх, музыка ты моя,
Клавиши играют!..
До исподнего белья
В тюрьмах раздевают...

Кушал Сталин знатный харч,
А Хрущев ест икру...
Я в подвале – плачь не плачь —
Так голодным и помру!

Выдают мне паек:
Соль, картошку и ржаной!
Эх, куплю себе чаек
Да на весь четвертной!..

Так чифирчик заварю,
Да попию вприкуску,
В окно гляну на зарю
Зимних далей русских:

То не белые поля —
Алые полотнища!

То родимая земля
Флагами полощется...

Флаги винны, флаги красны —
Сколько крови пролито!..
Неужель снега напрасно
Кровушкой политы?..

Помню: стылый окоп.
Тишь после взрыва.
И под каскою – лоб
Мыслит, потный: живы...

Да, живой я, живой!
И пою, и плачу,
И гармошки крик лихой
За пазуху прячу!

И протезом об пол – стук!
Деньги – в шапку?.. – в каску!..
Друг, налей, выпей, друг,
Да за эту пляску...

* * *

– Вон, вон пошла. Цаца заморская.
– Давно ль из своей Тарасихи примыкалась сюды, детишек

чужих нянькала... На портниху выучилась – и думает, все, золотое дно...

– А сама-то дура стоеросовая – другая б на ее месте жила так жила! Какие б заказы брала, у богатеньких... А эта – блажененькая: то бабке слепой сошьет за пятерочку – цельно зимнее пальто, из огрызков, то истопницыной дочке из пес знат каких обмотков – свитер навораживает...

– А руки золотые!

– Да ну. Так-то всяка баба может. Нашла што хвалить.

– Да она втихаря-то берет платья-то блестящие, с люрексом, шить. Свадебные... еврейским невестам... у Герштейнов-то свадьба была!.. а я лоскуток нашла. Точь-в-точь такой, как платье у Фирки. Под ейною дверью.

– Вот оторва!.. И ведь тихо шьет, как крыса корабельная, сидит – машинки-то не слышать...

– Вон, вон костыляет. Задом вертит. Подпоясалась, как сноп.

– А че? Талия у нее ниче. Как у Софи Лорен.

– Тю!.. Да она брехала однажды – бухая што ли, была?.. – што у нее каки-то старики деды, взаправду из Италии родом были...

– Сочинят!..

– Деревенска она и есть деревенска. Кака тут Италия. Под носом у няе Италия.

– А на всех как с башни глядит. С прищуром.

– Скулы-та каки широкие. Как сковорода, лицо. Италия-а-

анка!.. Тьфу...

– Это к ней ходит?.. Лабух из ресторана?.. Степка?..

– А как же. Днюет и ночует.

– Да она с них со всех деньги берет. А в ресторане за вечер – знашь, сколь можно нагрести?..

– Ушла... Дверью-та как хлобыснула! Как бомбу взорвала. Портниха лупоглазая. Вот всех люблю, всех люблю в квартире. А ее нет. Гордая! Не здороваается. Да Степка, хахаль, тоже оторви и брось. Давеча – трезвон! Открываю. Он стоит, еле держит ящик с вином. «Я звонок носом нажал, извините», – грит...

– Если все хахали ейные будут носами на звонки нажимать...

– Или еще чем...

– Губищи толстые, морда румяная, ну чисто доярка!.. И што они все в ней находят?.. Портниха... Нянька...

– Санька! Муфту забыла!

– Пальчики итальянски застудишь!

– Личико от мороза в мех не спрячешь – обморозишь щечки – куды Степка-та будет целовать?..

– Все туды.

– Закрой форточку, Зинаида. Кончай над человеком измываться.

– Да она все одно не слышит. Са-анька!.. Не упади на каблуках, корова!..

– Кости переломат – есть кому полечить.

«Я люблю тебя, я люблю тебя, Степка...»

Я люблю тебя, я люблю тебя, Степка.
Я сегодня ночью шила до трех.
Ты обхватишь руками – и страшно, и знобко,
Зубы друг об дружку стучат, как горох...
Я, гляди, – лиловой крашусь помадой!
Амальгаму зеркал проглядела до дна...
Я безумная. Нету с собою сладу.
Я с тобою – как пьяная: без вина.
Я люблю тебя, я люблю тебя, Степка!
Ох, зачем я в кабак твой поесть зашла?!
А ты брямкал, горбясь, по клавишам топким,
Из-под пальцев твоих – моя жизнь текла...
Моя жизнь: изба в Тарасихе вьюжной,
Ребяшня мокроносая, мамкин гроб,
Да отец-матерщинник, кривой, недужный, —
Поцелуй его помнит росстанный лоб...
Моя жизнь: чужие орущие дети,
Подтираю за ними, им парю, варю, —
Рвущий деньги из рук шестикрылый ветер,
И капрон на ногах – назло январю!
Моя жизнь – бормотанье швейной машинки,
Проймы-вытачки – по газетам – резцом,
Бабий век, поделенный на две половинки:

С гладкокожим лицом – и с изрытым лицом...
А тут сел ты за столик, заказал заливное,
Взял исколотую, крепкую руку мою —
И я холод небес ощутила спиной
У великой, черной любви на краю!
Я люблю тебя!
Ты – хрупкий, с виду – хлипкий,
А на деле – весь из железа, из тугих узлов:
Ты роляль свой кабацкий разбиваешь с улыбкой
Песнями нашей жизни – песнями без слов!
Песни трамваев, буги-вуги магазинов,
Твисты пельменных, комиссионков, пивных —
Я их танцую и пою – во бензинах —
Сиренью щек и гвоздикою губ шальных...
Да, я молодая еще!
Я люблю тебя, Степка!
Соседки кричат: «Шалава!..
Красный фонарь повесь!..»

А мне ни с кем еще не было так нежно,
так кротко, так робко.
И никогда больше ни с кем не будет так,
как с тобою – здесь.

* * *

– Мамка! Сбей мне масло.

– Петька, отвяжись.

– Сбей! Из сметаны.

– Отвяжись!

– ...Возьми, Анфиса, у меня в холодильнике стоит в бан-

ке.

– Не возьму. Ты небось мужу к шам купила.

– Муж перебьется. А Петька твой в рост пошел. Косточки вытягиваются. Корми дитя, Анфиса!

– Да я тебе шас денежку...

– Спрячь свое серебришко. Чай, не червонцы за сметану отдала. Не хлюпай носом!.. А хоть бы даже и червонцы.

Анфиса сбивает сметану в масло для Петьки

Не в судорге, не спьяну,
Не в куреве-дыму —
Сбиваю я сметану
Да сыну моему.

По лестнице по нищей
Брела с работы я...
Востребует и взыщет
Голодная семья!

О, в керосинной шали
Под форткою дрожа —
Как руки удержали
Слепую боль ножа?!

И, сторбившись на кухне,
Где лампа – волчий глаз,
Где тесто грозно пухнет
И квохчет керогаз,

В бидоне, ложкой, плача,
Сметану сыну бью —
Лохмата и незряча —

За всю-то жизнь мою!

За мыльные лохани.
За смертное белье.
За то, что потрохами
Плачу за бытие.

За наше процветанье,
Что царственно грядет.
За наше подаянье
У заводских ворот.

За пропуск постоянный
К изношенным станкам.
За ящик деревянный
У тьмы отверстых ям!

И, бешена, патлата,
Сметану в масло бью —
До завтрашней зарплаты
У рабства на краю,

До детских ртов галчиных,
Где зубы – как огни! —
До матюга мужчины,
До ругани родни,

До магазинов пьяных,
Где жиром пол пропах —

Ну, вот она, сметана!
Густеет на глазах...

А я ее сбиваю
Всю ночку, до утра!
Живу и выживаю —
На выдумку хитра!

И, если лютый холод
Затмит и слух, и речь —
Я в наш родимый голод
Найду, чего испечь.

* * *

– Степка!.. Ты?..

– Я.

– Че трезвонишь-то?.. Фу, весь в снегу... Заходи...

– Саня дома?

– А куда ей деться, Саньке твоей?.. Дурище... Сидит на своей финской машинке строчит, тебя поджидает... Пенелопа!..

– Но, но. Еще заикнись, зява...

– Звоняйте – любовь вашу задел... Пойдем вмажем, Степка, а?.. По маленькой...

– Я уж к большенькой... приложился.

– Э-эх!.. И тут ты меня обскакал!.. И к Саньке первым пристоишься, и коньяк «Белый аист» за пазухой нянчишь – классный ты мужик, Степан!.. Ван Клиберн ты наш!..

– Гончаров, падла!.. Осторожней на поворотах.

– Я всегда только закрытые... повороты... делаю. Ну – по чуть-чуть!..

– Вали. Огурца нету.

– А Санька с тобой... за компанию – тоже?..

– Нет. Она – только огурцы любит.

– А... тебя?

– Будешь в скважину подглядывать – быстро окривеешь.

Понял?

Одинокая песня Степки – Сανε

Да, я лабух в ресторане,
Многоженец!..
Четвертак в моем кармане
Да червонец.

Все скатерки в винных пятнах,
Шторы – в жире!
Все мне до хребта понятно
В этом мире.

Ресторан ты мой вокзальный,
Работенка!..
Держит баба так печально
Ребятенка...

В толстой кофте, в козьей шали,
Лик – невесты,
Из какой далекой дали
Здесь – проездом?..

Закажи блатную песню —
Я сыграю.
На своей работе – честно
Помираю.

Мне грузин две красных сунет —
Между жором...
Саксофон в меня как плюнет
Соль-мажором!

Ты, рояль мой гениальный,
Я – твой лабух!
Ресторан ты мой вокзальный
В спящих бабах!

Эти – спят, а те – хохочут,
В рюмку глядя,
Рысьими очьми щекочут,
Все в помаде...

И в плацкартном ресторане
Да в мазутном
Как тебя я встретил, Саня,
Серым утром?

Ты зашла. За столик села.
Как – с гостями!..
Я твое увидел тело
Под шерстями.

Напряглась во мне пружина.
Я рванулся.
Бритый на тебя детина
Оглянулся.

Я не помню, что мы ели,
Что мы пили...

Помню – мы одни – в постели —
Вместе – были.

И под грубыми руками
Пианиста
Ты горела вся, как пламя —
Мощно, чисто!

Целовал холмы, ложбины,
Лоб горячий...
Санька, ты ж была с мужчиной —
Что ж ты плачешь?..

Но, пылая головнею,
Вся сияя,
Ты сказала: – Я с тобою —
Умираю...

Кипятком по сердцу дико
Хлестануло.
Ах, портниха ты, портниха!..
Все... Уснула...

И тогда в ночи безбрежной,
Тьме кромешной

Целовал живот твой нежный
И безгрешный.

Целовал большие руки
В тайных венах,
Что обнимут все разлуки,
Все измены.

Целовал ступни корявые,
В мозолях,
Что прошли путями ржавой
Бабьей боли.

И, горящими губами
Скул касаясь,
Будто во сиротском храме
Причащаясь, —

Я заплакал над тобою,
Саня, Саня,
От мужской забытой боли
Воскресая,

Оттого, что я — лишь лабух
Ресторанный,
Что судьба не любит слабых,
Окаянных!

И во сне ты ворохнулась...

Блеском – зубы...
И царевной улыбнулась
Пухлогубой...

И клещами рук я сжал
Твои запястья —
Будь я проклят, я держал,
Держал я
счастье.

...А наутро – ну, дела...
Адресочек мой взяла...
С губ лиловою помадой
Как усмешка потекла!..
«Ночевальщик... Извини...
Коммуналка... Не одни...»
Сыр нарезала ломтями.
Глаз кошачьих – вбок – огни.
«Да, у нас тут ванной нет...
Да, в сортир – купи билет...
Щас яичницу пожарю —
Гады, отключили свет!..
Значит, кухня... Керагаз...
Зырканья запавших глаз...
Обзывают... Лучше в петлю —
Чем вот так вот – каждый раз!..»
«Много было мужиков?..»
«Был один – да был таков...
Да и я не из таковских:

Норов у меня суров...»
«Да уж вижу... Жрать давай...»
«Ешь – да живо вылетай!..
Нынче от соседок будет:
Отошлют и в ад, и в рай...»
«Че робеешь?.. Им ответь!..»

«Нагрублю – и так жалеть
Буду этих баб поганых,
Что уж лучше – помереть...»

«Саня, Санечка, постой!..»
«Выметайся. Не впервой,
Степка, расстаешься с бабой,
Да с такою – не святой...»

А сама-то – жмет виски,
Радугою слез белки
Так сверкают...
Саня, Санька —
Крик протянутой руки...

* * *

– Сократ! А Сократ! Ты че по квартире в дамском халате
расхаживашь? Стыды!..

– Проиграл я все подчистую, баба Зина. Продулся.

– Чай, можно и отыграться!..

– Пробовал. Не та масть идет... Несчастливая страна, баба Зина. Несчастный я.

– Ну, в любви-то тебе должно везти – по уши в любви, небось, сидишь!..

– Не сбывается поверье, баба Зина... Холодная земля. Несчастливая земля. Несчастный я.

– А где б ты был счастливый?..

– В Афинах. В Пирее. Зачем отец нас сюда привез! Зачем ему надо было уезжать! Мне Афины ночью снятся. Просыпаюсь – на подушке пятна от слез. Зубами скриплю. Я от этого холода сдохну, баба Зина.

– Ох, Сократушка!.. Ты бы водочки с Валерой Гончаровым выпил – може, полегшало бы?..

– Карты лучше. Водки выпьешь – и спишь как убитый. Или бормочешь ересь. А за картишками всю ночь сидишь. И чувства разные: то страх, то ликуешь, то – сердце замрет, бьет, как птица лапками...

– Ты ж проигрался!

– Отыграюсь я, баба Зина. Отыграюсь.

Картежники

Нет, здесь столы покрыты не сукном
Зеленым, – а гнилой клеенкой.
Хруст огуречный снега – за окном.
И вьюга плачет звонко.

А мы сидим. Глаза обведены
Бессонной черной метой.
О карты! Вы меж мира и войны
Летящие планеты.

Засаленной колодою трясую.
Сдаю, дрожа руками.
Я Дамы Пиковой площадную красу
Пью жадными зрачками.

Табачный дым – старинный гобелен...
На вилке – сердоликом —
Селедка... Позабыт и фронт, и плен,
И дочкиного крика

Предсмертный ужас, и глаза жены,
Застывшие небесно...
И этой близкой, яростной войны
Хрип и огонь телесный...

Забыты гимнастерки, ордена,
Зенитки и разрывы...
Ох, карты!.. Лучше всякого вина,
Пока мы в мире – живы...

И бабий, теплый нацепив халат,
Очки на лоб подъявши,
Играет насмерть в карты грек Сократ,
Афинский шкет пропаций.

Играет врукопашную, на дзот
Врага – бросает силы:
Эх, черная одна лишь масть идет,
Собака, до могилы!..

Таращатся бессонные дружки.
Ползет под абажуром
Змеиный дым. Валятся из руки:
Валет, король с прищуром...

И, козырь огненный бросая в гущу всех,
Кто сбился ночью в кучу,
Смеешься ты, Сократ! И хриплый смех —
Над лысиною – тучей.

И шавка тявкает меж многих потных ног,
Носков, сапог и тапок!
И преферанса медленный клубок...
И близкой кухни запах...

И – ты пофилософствуй, грек Сократ,
Тасуя ту колоду,
Между картин, что ведьмами глядят,
И рыжего комода,

И слоников, что у трельяжа в ряд
Так выстроились чинно —
О том, что нету, нет пути назад
В горячие Афины, —

А только есть седые игроки,
И костью пес играет!
И бубны бьют!
И черви – близ ноги
Ползут и умирают!

И пики бьют – наотмашь, под ребро!
И под крестами – люди...

Играй, Сократ.
Проматывай добро.
Твой козырь
завтра будет.

* * *

– Паня, мы в кино уходим!.. Пусть Галка поглядит за Кирюшкой, а то он оборется да мокрый належится!..

– Ну, расфуфырились... Тамарка-то, Тамарка!.. На бигудях небось спала?..

– Не, это в парикмахерской...

– Галка, живо к Калединым!.. Пеленочки Кирюшкины – на этажерке, слева... Молоко подогреешь, Киселиху попросишь или маму, они керосинку разожгут... Галка!..

– Щас иду.

– Только гляди, ничего у Тамары не трогай в коробочках!.. Там у нее украшения лежат – дорогие!.. За них много денежек уплочено!.. Только тронь!..

– Да что ты, Паня, на ребенка наговариваешь, не тронет она ничего, там и трогать-то нечего – одни стекляшки...

– Небось. Дети как сороки – хватают, что блестит. Особенно девки. В нищете растет – на витрины засматривается!.. Давеча в ювелирный занесло нас, так она прилипла к прилавку – силком не отдерешь!.. «Какие, – грит, – камушки красивые!.. Их что, в уши вдевают?..» Вот я те покажу уши!.. И всяки други места... Ишь, козявка, а туда же – за модницами, за балахрыстками норовит!..

– Иди, Галочка. Я из кино пойду – тебе зефир куплю.

– Ой, зефир!..

– Иди, кляча моя долгоногая. Кирюшка уж блажит!.. Да в шкатулках-то, в шкатулках не ройся!..

Брошка

Ох, коробочка какая...
Ты, Кирюшка, не ори —
Крышку быстро я откину...
Погляжу-ка, что внутри...
Ух ты, камешки какие!..
Полосатый вот – агат...
Фиолетовый какой-то —
будто дикий бык, рогат...
Аметист его названье —
он от пьянства, говорят...
Вот его бы Гончарову —
пить бы бросил все подряд...
А вот этот – как лягушка,
весь зеленый и смешной!..
Перестань орать, Кирюшка...
На пустышку – и не ной...
Молочко-то вскипячено?..
Греть не буду – на, соси...
А вот это что за чудо?..
Светит – Господи, спаси!..
Аж глаза лучами режет...
Брошка – круглая, как лук...
Как от лука – горько плачу...
Тяжесть – валится из рук...
Красотища... Красотища...

Оглянусь – не видит кто —
Ну – скорей в карман засуну —
в материнское пальто —
Вот оно – котельной пахнет —
топкой, ржавчиной, огнем...
Это что же – я воровка?!..
Брошь горит – светло как днем...
Я воровка... я воровка...
Мать убьет, убьет меня!..
Не найдет... Запрячу ловко
краденый шматок огня...
Что, Кирюшенька, покушал?..
Весь облился молоком...
Дай-кось перепеленаю —
не ори, лежи молчком...
Я посуду переваю...
В окнах – звездная слюда...

Я воровка...
Я – воровка!
Резко. Сразу. Навсегда.

* * *

– Петька! Иди глядеть на точильщика! Точильщик при-
шел!
– Точу ножи, ножницы!.. Точу ножи, ножницы!..

– Вот вам, дяденька, ножи.

– Дяденька, а эти искры – холодные? Мы от них не подожжемся?

– Как бенгальский огонь?..

– Дяденька, а вы можете так наточить нож, что он железо разрежет?

– А мы в ножички во дворе играем. Мы Маскимке нечаянно правый глаз выбили. Ему операцию делали. Дразнят теперь в школе: Кривой.

– Дяденька, а почему у вас щетина пучками на лице растет?.. Как мох?..

– Точу ножи, ножницы!.. Точу ножи, ножницы!..

Точильщик

Струмент ташу тяжелый
Во грязные дворы!..
Несите мне в подоле
Ножи и топоры.

Все наточу на славу —
Для хлеба и мяса,
На ворога державы,
На ребра подлеца.

Соседушки-соседки!
Расплата по плечу.
На лестничной я клетке
Судьбу вам наточу.

Как в зеркало, глядитесь
В стальное лезвие!
Вы вновь не народитесь —
Одно у нас житье.

Одна у нас планида —
Живи, пока живешь!
А коль придет обида —
За пазухою – нож...

Летят тугие искры.
И колесо визжит.
Я во тюремной жизни,
Смеясь, точу ножи!

А коль большак – убогий
И за спиной – конвой,
Я помолюся Богу
О ране ножевой.

* * *

– Да ты!.. Да ты на себя глянь, босяк ты подзаборный, кандал ты каторжный! Ты что тут затеял – посуду на кухне бить!..

– Валерочка, Валерочка... Тише, ласточка, ты кулаками-то не махай... Не махай...

– Все р-разнесу!.. Выковыряю вас всех, гниды!..

– Да ты што... Да ты што, опомнись, Гончаров, што ты с розеткой-та делаешь, не выворачивай ее из стенки, током убьет!..

– Отойди, бабы!.. Гуля-аю!.. Сволота толстопятая!..

– Тихо, тихо!.. Куды ты кастрюлю с супом-та метишь!..

Чай, мясо не тобой куплено!..

– На мои, кровные... Отсохни!..

– Да ты свои кровные все в самую получку просадил!..

Налил глазыньки-то – всклянть!..

– Убери ручищи!..

– Паня, Зина, Тамарка, Анфиса! Ба-бынь-ки!.. Давайте свяжем его, чтоб не мотался!.. Руки ему перевяжем кальсонами!.. Не могу больше, все в синяках, в бане – от баб стыдно!.. Милка уж в зайку превратилась, вся дрожит, как заяц: папа с работы идет... Ирод идет! Гитлер домашний!..

– Вяжи его, бабы!..

– У, гусеницы!.. Навалились...

– Охолонь чуток! Охолонь!

– За что только ты нас так ненавидишь, пьянь портовая?..

Ведь жена я тебе, а она – дочь тебе!..

– За то, что вы – беззащитные.

Праздник Сретенья Господня

Ох я нынче покочевряжусь!..
Шубы, платья, рубахи – в кучу!..
Я сожгу имущество наше,
нажитое в жизни кипучей.

Я ковры со стен посрываю
да с базарными лебедями.
Ну, глядите, Варварка, Милка, —
как горит золотое пламя!

Не хватайте за руки-ноги...
Смерть пришла барахлу мирскому!..
Смерть пришла моему людскому,
в тараканьих обоях – дому...

Дому, выклянченному в главках,
дому, выплаканному в обкомах,
Той каморке, где запах сладкий
Клопомора и спирта, – дому!..

Я верчу газетой зажженной —
вот, Варваркина тлеет шуба!..
Дети-плети, бабки да жены —
все – отзынь!.. Мне огонь лишь любый.

Че ревете? Вы, росомахи!..
Кто у нас в нашем доме главный?!
Че одергиваете рубахи?!
А морозец на улице славный...

Я сейчас над вами потешусь.
Вон отсюда!.. Дверь – ногою
Распахну... Я или повешусь,
Иль судьбой заживу другою...

На мороз, в рубашонках, – живо!
А не то сожгу – да с тряпьишком!..
Эх, снежок-то колкий, красивый, —
потанцуйте на нем вприпрыжку!

Выметайтесь! Моя закалка!..
Ишь, заплакали, – вы, двухвостки...
Прочь, соседи!.. Мне их не жалко —
Эх, снежок-то резучий, блестящий!..

Че захныкали, кровососки?!
Попляшите – за век короткий,
Где сосу табачную соску,
Где толкаю селедку в глотку!

Брысь! Иконкой трясешь, Киселиха?!..
Праздник Сретенья, што ль, сегодня?!
Потому я и выпил лихо
На помин страданий Господних!

Там Гагарин летал – однако,
Не узрел худых ангелочков!..
Отвали, истопница, собака!..
Ну, святая выдалась ночька...

Что?!.. Милицию?!.. Вызывайте!
Ишь, козявки, чем испугали!
Да ментов я тех – стукну лбами,
На снежке проштампую – ногами...

Варька, Милка!.. Китайские выдры!..
Вон босые – в сугробе пляшут...
Киселиха, сопелку вытри, —
Это горе мое, не ваше...

Шубы, тапочки, щи да каши!
Бабы, бить кончайте
на жалость!..

Это горе мое. Не ваше.
И сожгу – чтоб вам не досталось.

* * *

– А у меня мамка вчера на рынке шуку купила. Икры в ней
было – ужась!

– А я эту икру ложками ел. Черную. Когда мы в Астрахань к тетке на пароходе плавали.

– А у Лики отец золотые сережки ей купил. С алмазами! И уши уже прокололи.

– Ну и что! А мне уши завтра проколют! Это ничего страшного: черный хлеб подложить под мочку, взять толстую иголку, швейную, и очень крепко прижмуриться...

– А что вставлять-то будешь? Надо золото вставлять. А то дырки загноятся.

– А у нас есть золотые сережки.

– Это откуда?.. Ха!.. Граф Борис Иванович, что ли, даст напрокат?..

– Вот и нет! Это бабушкины.

– Бабушка же твоя нищая – откуда у нее золото?

– А я завтра на день рожденья к Динке иду. Там у нее ананасов будет – целая гора! И шоколадные конфеты с вином внутри. Раскусишь – а там вино. И запьянем.

– А ты чево Динке подаришь?

– Скакалку.

– Э! Она тебя засмеет. Нужна ей твоя скакалка. Динка ведь богатая.

– А моя мама еще богаче, еще богаче!

– Иди ты врать.

– Да, да, да! Она клад закопала. За гаражами. Она сказала: «На черный день».

– А что такое – черный день?

– Это когда кругом тучи и уже совсем ничего вокруг не видно.

День рождения

Пахнут синие льдины,
Будто пряник печатный...
День рождения у Дины.
Снег скатерки камчатной.

На серебряном блюде
Ананасы – ломтями.
Здесь еды не убудет —
Гости, ешьте горстями!

Дом здесь – полная чаша.
Во шкафах – перламутры.
И не варят здесь кашу
Пшеничную – зимним утром.

Здесь и дичь и колбаски,
Здесь в салатнице – крабы...
Здесь – богатая сказка.
Там – о, хлебца хотя бы...

С днем рождения, Динка!
Из чего платье сшито —
Из Луны-половинки,
Бархатистых самшитов?..

Извини – я – скакалку
Подарю! И открытку...
Матери денег жалко,
Говорит: больно прятки...

Заработай копейку,
Пусть в кармане – горохом!
Да ее пожалей-ка
На подарок угрохать!..

Должен очень дешевым
Быть подарок дитячий...
Ты поздравь ее словом,
Поцелуем горячим!..

Динка, дай поцелую!
Ты у нас – королева...

В нищете – затоскую.
В бедноте – околею.

В тесноте – народилась.
В темноте – умираю.

Подари, сделай милость,
Динка! кус каравая...

– Каравай, каравай,
Кого хочешь, выбирай!..

Как на Динкины именины
Испекли мы каравай:
Вот такой вышины,
Вот такой нижины,
Вот такой ширины,
Вот такой ужины!..
Выбирай, налетай,
С блюда яркого хватай —
В каравае восемь свеч,
Можно новенький испечь...

Ах, рубинами – икра...
Это вовсе не игра.
Ждет мышинная нора.
Ждет крысиная нора,
Керосинная дыра...

Кого хочешь... кого хочешь!..
кого хочешь – выбира.....

Часть вторая – АЛЕКСАНДРА

* * *

– Санька... Дура моя, че плачешь?..

– Как я буду встречать Новый Год... Как...

– Ну, как – обыкновенно. Елочку нарядишь. Телик врубишь... Тебя никуда еще... никто... не приглашал?..

– Степка... Ты же знаешь – че спрашиваешь... Я с тобой хочу...

– Со мной?.. Да брось ты... Со мной не выйдет. Я в другие места иду.

– Степушка... Зачем в другие... Мы же – с тобой...

– Прекрати. Ты меня уж всего обревела. От меня в ресторане уже бабьими слезами пахнет. Ты как фонтан Бахчисарайский.

– Степушка... Я трехслойный торт испеку... Я уж и бутылочку купила – твой любимый «Белый аист»...

– Одной мало. Это на один хамок.

– Еще достану... Степонька... А мне пить уже нельзя.

– Че городишь?..

– Степ-ка... Я ведь...

– Ну, ты... крольчиха!.. Как это я не подрассчитал... Или

ты – меня обманула?..

– Я не хотела!..

– Врешь, хотела. Хотела, лягушка. Встречай теперь Новый Год... вдвоем. А я пошел. Мне пахать в кабаке надо.

– Сте-пуш-ка... Я ведь и имя ему... уже придумала...

Санька беременная

Там, в животе – ворохнулись клюв и крыло...
Вылетит, вылетит мой птенец – не поймаю...
Степушка, так в белом мире жить тяжело —
Вот и дошла, дошла до самого краю...
Я одинокая баба! Бастыл, бобыл...
Пухлые губы горят вишневою краской...
Степка, да ты ж меня никогда не любил —
Только сыпал дождем золотую ласку...
Горной вершиной живот мой в ночи застыл.
Я не могу в одиночку. В петлю залезу.
Мне без ребенка постыл белый свет, постыл! —
Будто на кухне железом скребут по железу...
Да, поднимаюсь тестом! Да, буду копна!
Да, молоком намокнет рогожа платья!
Только уже на сем свете я не одна —
Вот они, вот они, вот же – твои объяття!
Вот из чего зарождается этот комок
Жизни огромной: из ребер, входящих в ребра,
Из черепахою – жестко – сплетенных ног,
С дымом табачным исторгнутых слов недобрых!
Я-то вкусила все в этом мире, все —
Бог с ним... не надо про это, что я вкусила!
Степушка! Катится времени колесо —
От колыбели скрипучей до бедной могилы...
Катится?! Вот я качусь – наперерез!

Я от любви понесла – так я жить оставлю
Глаз моря и волос золотистый лес,
Эту живую кроху, жадную каплю!
Знаю, Степка, тяжелую бросишь меня —
Бросишь, я знаю...

спасешь драгоценную шкуру...

Скажешь: избавься?.. – не проживу и дня.

Следом за ним уйду. Такая уж дура.

Да, уж такая, Степка,

такая мать!

Мать я! И только мать! Никакая не баба!

Бабу ты мог ночью напролет обнимать.

Мать – на объятье – лишь улыбнется слабо...

Есть эта радость – все радости – побоку: прочь!..

Кислого съест бы...

Сама я себе – незнакома...

Знаю: Рождественская – моя! – будет ночь!

Степка. Ведь ты не придешь —

к окошку роддома.

* * *

– А ты куда, старуха?.. Че тебе здесь надо?.. Это не собес,
это квартира.

– Я к ним пришла.

– Баушка! Да ты че-то спутала. Здесь такие не живут и не жили никогда.

– Я к ним пришла.

– Мамка!.. Мамка!.. Глянь, какая-то к нам старушка при- блудилась, вся коричневая, стра-ашная!.. На ней балахон, а на ногах – как у дяденьки – сапоги разбитые!..

– Я к ним пришла.

– Бабулька... Ты че... тут забыла?.. Ты – на мою мать по- хожа как две капли... Выпей с Гончаровым!.. Душу уважь...

– Я к ним пришла.

– Бабушка, проходите на кухню, там тепло, я окна сегодня ватой заложил, ко мне бы можно было, да нельзя, у меня там преферансисты, накурено, так грязно, так неприбрано, так...

– Я к ним пришла.

– Че тебе здесь надо?.. Че здесь надо, старая карга?.. Уж больно ты цыганского виду... Проваливай!.. Того гляди, са- мовар мой в подоле унесешь... Иконку – украдешь!..

– Я к ним пришла.

– Тамарка, может, это к нам тетя Дуся из Павлова прие- хала?..

– Я к ним пришла.

– Господи, Господи, с нами крестная сила, спаси и сохрани, Паня, да какие у нее глаза страшные, сгинь, пропади, нечистая сила, обереги нас, сила Божия, помилуй нас, греш- ных...

– Я к ним пришла.

– О, bonsoir, la grande Mort! Pardonnez-moi... в кладовке живу... угостить нечем...

– Я к ним пришла.

Троица коммунальная (Саня, Степка и Старуха-Смерть)

– Наш чай, нам на веку сужденный,
Мы в холода испили весь.
Мой мир. Мой слабый, нерожденный.
Еще – во мне. Пока что – здесь.

– Ты, Санька... Плачешь, мерзнешь, бредишь...
Взаправду: к бабам с животом
И на кобыле не подъедешь...
А что же будет там... потом?..

– Ох, Степушка... гляди – старуха!..
Лицо – землистее земли.
Каким прозванием люди глухо
Ее когда-то нарекли?..

– Ну, Александра... Подь поближе.
Ее узнал. Какая мгла
В очах. Я ничего не вижу.
Она пришла. Она пришла.

...Был накрытый багряною скатертью стол.
На столе возлежали на блюдах объедки.
За стеною – скандал упоительный шел

Во бескрылой семье куропатки-соседки.
Золотела в кольцом застывающей тьме,
Как горящая бочка, настольная лампа.
И за старым столом, как на нарах в тюрьме,
Положивши на скатерть не руки, а лапы —
Дрожью пленных зверей, ядом гона полны,
Болью жизни, что бродит винищем – в бутылках! —
Трое молча сидели. Без слез. Без вины.
В полумраке каморки навеки застыли.

Молодая девчонка с тугим животом
Потянулась за курицей, что на тарелке...
Парень с голою грудью, с дешевым крестом
Налил водкой дешевой стальные гляделки.
Головы он налево не мог повернуть.
А по левую руку Старуха сидела.
И лицо ее было – коричневый путь
Грязью, кровью, снегами пропахшего тела.

Вместе с бабой брюхатой сидела она.
Вместе с парнем, раскосо глядящим по пьяни.
И была со стаканом рука холодна.
И морщинистых уст – не сыскать бездыханней.
Был подковою конскою рот ее сжат.
Но услышали двое из мрака и хлада:
– Вам во веки веков не вернуться назад.
Вы уйдете со мной.
Я беру вас, ребята.

Будет каждый из вас моей силою взят.
Не ропщите. Живому роптать бесполезно.
Все равно никому не вернуться назад.

...Лей же, Степка, вино
в глотки горькую бездну,

Шей же, Саня,
роскошный и дикий наряд —
Чтоб гудеть-танцевать!..
А метель подпояшет!..

Все равно никому
не вернуться назад.
Я – Старуха. Царица.
Владычица ваша.

* * *

– Зинаида! А Зинаид! Нет, ты поглянь только! Сань-ка-то!..

– Да уж и козе понятно.

– А похудела!..

– И-и, Тамарка. Да ить она всю дорогу два пальца в рот вставляют. У тебя-та вот этак не было. Ты ходила – кум королю.

– Че ж она не избавляется?..

– Мать-героиня!.. Вертихвостка!.. Навертела...

– Как ты думаешь, Пась, теперь Степка женится на ней?..

– Степка?.. Да он дурак, што ли!.. Он себе таких Санек найдет – цельный хоровод!.. И вокруг него запляшут...

– Гуляла-гуляла – и нагуляла-таки...

– Дите родить-та легче легкого, а ты взрасти его!.. А кормежка!.. А куды она с ним – одна!..

– На нас рассчитыват. Мыслит: народу много, небось помогут!..

– Хитрюга!.. На чужих холках хочет покататься!..

– А как таится, как таится, бабыньки, если б вы видели! Я тута из кухни сковороду с капустой несу, а она мне навстречу вывернулась. Белая – ну чисто бледная поганка. И улыбается криво. Хорохорится!.. А я ей так впрямую рублю: «Уж не залетела ли ты, Санечка?..» «Нет, – жметя, – это я штой-то в столовке плохое скушала...» А капусту мою из сковородки учуяла – аж белки закатила!..

– Стыдно ей.

– Умела гулять – умея гордо живот носить! Цаца тарасиховская!..

– Итальянка наша...

Санька у Киселихи перед иконой

Милая ты моя, Киселиха!..

Видать, жила я люто, лихо —

Живот растет не хуже опары,

А я в зеркале черна – старее старой...

Пальцы обожгу о твою магаданскую кружку
с грузинским чаем...

Вот так мы до рожденья их лелеем-качаем —

В люльках кухонь, в колыбелях метелей,

В сиротстве нагретых утюгом одиноких постелей...

Милая ты моя, Киселиха!..

Видать, я уж такая зайчиха-волчиха —

Ребенка нажила, а сама вот-вот с ума спячу:

За полночь подушку грызу, вою в нее, плачу...

У тебя иконка есть. Дай помолюся.

Вон она тихо сидит – мать, Мария, Маруся.

Чай, тоже рожала. Может, услышит?

От нимбов тусклых – печкою пышет...

Колени подогну...

Упаду – как на горох, на гвозди...

За стенкой гонят твист – у Тамарки гости...

По коридору крик: Петьку опять бьет Анфиса...

Батареи ледяные – Паня,дохлая крыса,

Еле топит... Котлы аварийные в котельной...

Ну, Киселиха, —

у тебя такой затхлый дух постельный,

Топор можно вешать... Богородице, Дево!
У каждой молитвы – одинаковы припевы...
Пошли мне легкие роды! А коли не сможешь —
Пошли мне легкую смерть —
да ведь ты не поможешь,
Картинка сусальная,
стрекоза на булавке,
фольговая обертка!..
...Не верю. Не верю. Нет веры.
Это – хуже аборта.

* * *

«Милый, любимый мой Степочка!

*Поздравляю тебя с Новым Годом. Желая тебе от всего своего любящего сердца крепкого здоровья, хорошо повеселиться и быть всегда любимым и сильным духом! Пусть на твоей елке в этот счастливый вечер загорятся красивые свечи! Будь всегда таким же красивым и обаятельным! Не забывай меня. Всегда тебя любящая
Саня»*

Новый год Степана

Эх, пьянь-ресторань,
Русская отрава!..
Слева – площадная брань,
И молитва – справа.

На столе – коньяк, шампань,
Яблок лысины – желты...
Кто там, кто?.. Сань, а Сань!..
Обознался я: не ты...

За рояль, за рояль, за рояль – скорей-скорей!..
Распугаю я всю шваль, всех синиц и снегирей.
Музыка, да ты ж – моя официанточка!..
С виду – ути-пути, а на деле – хваточка...
С виду – мур-мур песенка, ласковая киска,
А на деле – лезвие
по-над глоткой – близко....

– Степка!.. Пжалста!..
Мой любимый песняк!..
Да червонец кладу – не за так...

– *«Так ждала и верила
Сердцу вопреки...
Мы с тобой два берега*

У одной реки...»

...Ты, Серега-тромбонист, —
Пусть ушла жена!
Пусть козлы врубают твист
В прорези окна.

Ты напейся... Закуси
Сладким чем-нибудь...
Вон малявка – две косы —
Бросься ей на грудь.

Ты забудься!.. Я и сам
Чуть было не влип...
Кто там, кто там?.. Сань, а Сань!..
Обознался... Всхлип

Чей-то громкий... На, заешь!
Кроличье рагу...
Ешь ты, ешь, пока рот свеж.
Через «не могу».

Ну, а этих... мы найдем!..
Волки – я и ты!..
Всех подряд... переберем,
Груды-животы!..

Что?!.. Ждала и верила?!
Сердцу вопреки?..

Мы с тобой два берега...
Сергунь – от тоски
Выпью все!..

...Мадера, херес – я гуляю.
Гуляю!.. Задираюсь?! Блажь,
Я нервный парень!.. Я играю
На том фоно разбитом – ваш
Кабацкий шут! Да колпака мне
Не сшила Санька!.. Все мура,
Икра, печенка... Я руками
По клавишам ору: ура!..
Ура тебе, правитель лысый,
Родной-любимый-дорогой!..
Пусть из страны сбегают крысы,
А за кордон я – ни ногой.
Мне здесь привольно. Ресторанчик,
Вокзал, мазута терпкий дух,
И я, Степанчик, мальчик-с-пальчик,
Я Рихтер: абсолютный слух!..
Спят тупорылые владыки
В одеколонной тьме СВ.
А здесь – от ярких бабьих ликов
Темно и звонко в голове...
Мне все до лампочки, до фени —
Всех съездов-лозунгов позор, —
Сидела б девка на коленях,
Плела б тонкоголосый вздор,
А я бы слизывал помаду

С ее разнюненного рта,
А я б глядел людское стадо —
Не смыслящее ни черта,
И ел и пил,
блестя усами,
Обмокнутыми в арманьяк...

Кто там идет?..
Эй, Санька! Саня!..

Я обознался.
Люстры пламя
Глаз режет. Воротник слезами
Улил. Российский сыр – с ноздрями...
Я щас. Я пьяный между вами.
Умоюсь из тарелки – щами.

Я ничего. Я просто так.

...А елка стояла средь дымного зала,
Стояла – у всех на глазах —
Беременной, потною бабой стояла,
С игрушками в черных руках.

* * *

«Александра! Кобылка моя! С Новым Годом!

С новым счастьем!

Что бы ни случилось в нашей жизни, я тебя, лошадка, никогда не забуду. Ты женщина 100%. Не делай только в жизни глупостей. Мне нравилось, когда ты красила губы фиолетовой помадой. Вообще ты похожа на Стефанию Сандрелли из фильма «Развод по-итальянски». Гуляй больше на свежем воздухе. Не падай – сейчас очень скользко. Гололед.

Я гад. Прости меня. Будь. Я пьяный сижу в ресторане, открытка лежит между ветчиной и «Пишеничной». Если бы я мог, я бы всю жизнь носил тебя на руках. Но я слабый человек. А ты Стефания Сандрелли. Ты кончай вертеть ногами швейную машинку и езжай во ВГИК. Там тебя с руками оторвут. И ты пойдешь по рукам.

Рисую тебе свою розу. Я идиот. Я влюбчивый идиот. Я сволочь. Я тебя никогда не любил.

С Новым счастьем!

Я люблю тебя. Твой Сивка-Бурка.

P. S. Все. Я ускакал. Навек.»

Новый год Сани

Ты каморка моя, каморочка.
Торт трехслойный. Бутыль. Хлеба корочка.
Да в углу, у телевизора, – елочка.
Да напротив сердца – швейная иголочка.
Платье-то... на живульку сметано.
На кошачий клубок горе намотано.
А под сердцем – торк, торк... – пихается.
Надо мною в животе – усмехается.
Мол, ты че, мать?.. Свой-то праздник справила,
А меня-то – без отца оставила?..
Гололед, да голь, да голод города!
А вот я – бревно: не чую голода —
Будто я навек наетая-напитая,
Так любовью измочаленная, избитая...

Пригублю коньячку из тонкой рюмочки...
Ворохнется плод... Ох думы мои, думочки,
Пить нельзя – а то б надралась в дымину я
За всю-то жизнь мою – ледяную, длинную!

С Новым Годом, Степка!
А сынок твой в моем брюхе бесится,
На земле меня держит,
не дает... повеситься...

* * *

– Куды она побежала, Пань?.. Как оглашенная!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.